

ИМ НА ДВО
Души и тела врача
поэт прекрасный и пи

Из стихов Олега МАСЛОВА

* * *

Еще немало лет пройдет,
Пока мы станем старыми,
Еще далек тот хмурый год,
Когда, вконец усталыми,
Желаний чашу расплескав,
Со скрипом, а не с песнею
Мы, трудовую книжку взяв,
Кряхтя, уйдем на пенсию.
Век не зная бы тех забот
И жить неразмоложенным,
Но хочешь, нет, а он придет,
Тот год, как гость непрошенный.
И как ни жалко оставлять
Накопленные пожити,
Ты ничего не сможешь взять
С собой из жизни прожитой.
Зато, когда, закончив путь,
Ты повернешь к обочине,
Тебе захочется взглянуть
На век свой озабоченно.
И если горы ты сдвигал -
Не в тягость груз усталости,
А если в камешки играл, -
То дожил зря до старости.
Как ни суди жите-бытье,
Одно в веках проверено:
Что людям отдано - твое,
Что спрятано - потеряно.

* * *

Мы автобусом ехали в горы,
Одержимый туризмом народ,
И досталась мне точка опоры
Та, где задом сидишь наперед.

Тщетно тем себя тешил вначале,
Что и тут ничего не терял -
Все, что спутники дружно встречали,
В одиночестве я провожал.

Что с того, что пейзаж уходящий,
Коль машина уносит вперед?...
Голова же все чаще и чаще
Совершала крутой поворот.

Вслед за ней развернулись и плечи,
И подумалось: как ни взгляни,
А дорога без радости встречи
Чем-то прожитой жизни сродни.

Ни открытий, ни встречного ветра,
Только склоны да хвост пылевой...
Хорошо оглянуться и в ретро,
Если пройденный путь за спиной.

Но избавь меня, жизнь, от насеста -
Задом к нови - куда б ни спешил,
Не люблю я обратного места,
Да и прежде его не любил.

В редакцию «АП» поступи-
ло письмо (приводится в
сокращении).

«...В этом году мне дове-
лось лично познакомиться с
амурским поэтом О. К. Мас-
ловым. Прошу опубликовать
это стихотворение о нем, о
его судьбе. Думаю, что ему
будет приятно получить мой
подарок в юбилей.

Когда-то судьба Олега
Константиновича была свя-
зана с нашим городом. Пусть
это стихотворение напомнит
ему о земляках.

С уважением
Татьяна Прохорова
МАКАРОВА.

Завитинск.

Люблю я город, славный Благовещенск,
Судьбы моей связующий причал.
Амур и Зея у границы плещут
Свои дороги здесь я начинал.
Здесь мои корни, ствол и мои ветви,
Он самый лучший город на земле.
Здесь вырос я, родились мои дети,
И это искренне, поверьте мне.
Мой прадед Аким Маслов путь проложил,
Здесь жил мой дед и бабушка моя,
Здесь начинал и я свои дороги
Здесь моя родина - амурская земля.
Все в памяти моей как на ладони
И первая мечта живет во мне,
Ведь по душе мне с детства были кони,
Но стал я медиком наперекор мечте.

Если собрать воедино все газет-
ные материалы, опубликованные
на страницах «Амурской правды», в
которых рассказано о жизни и твор-
честве дальневосточного поэта
Олега Константиновича Маслова,
вышла бы немалая по толщине
книга. Но если к ней присовокупить
публикации самого поэта, что уви-
дели свет на страницах «Амурки»,
несомненно, получился бы том вну-
шительного вида.

Само собой разумеется, наша га-
зета не могла пройти мимо юбилей-
ной даты поэта. 31 августа ему ис-
полняется 70 лет.

Помните, у Пушкина: «Я знал
одну, но пламенную страсть». Мас-
лов знает две страсти - поэзию и
медицину. Вначале поговорим о
последней.

Олег Константинович - потом-
ственный врач. Его отец - Констан-
тин Иванович - талантливый хи-
рург, спас жизни многим и многим
амурчанам. Мог бы, так сказать,
передать сыну секреты своего мас-
терства. Но сын пошел другим пу-
тем.

- Я любил хирургию, - говорит он,
- но меня увлекла другая профессия.
Тогда, полвека назад, она только раз-
вивалась. Возможности анестезиоло-
гии были еще невелики, но вот еще в
чем дело: когда я был хирургом, рядом
всегда находился кто-то старше меня.
Я всегда мог позвать на помощь кого-
то. Когда я стал анестезиологом - пер-
вым и единственным - уже не на кого
было надеяться. Нужно было самому
сообразать, читать, учиться.

«А он, мятежный, просит бури», -
подумал я. Долгие годы упорного тру-
да не прошли даром. Маслов стал пер-
вым в Амурской области дипломиро-
ванным анестезиологом-реаниматоло-
гом.

- Каждый должен занимать только
свое место. - У Олега Константиновича
тихий, спокойный голос. Он никогда не
довлест над собеседником и не возвы-
шается над ним. С Масловым легко
разговаривать, спорить, рассуждать. -
Человек должен находиться именно там,
где он больше всего хочет и может...
Думаю, что я сумел стать неплохим
специалистом.

Он скромнен. Лишний раз не упоми-
нает свои звания и достижения. А если
называет их, то каким-то извиняющим-
ся тоном. По моей просьбе достает и
показывает большое количество дипло-
мов и грамот.

Но вот чем он, безусловно, гордит-
ся - проникновением в другие страны.
Два раза подряд во время нашей встре-
чи он упомянул, что недавно его стихи
опубликованы в одном крупном ки-
тайском журнале.

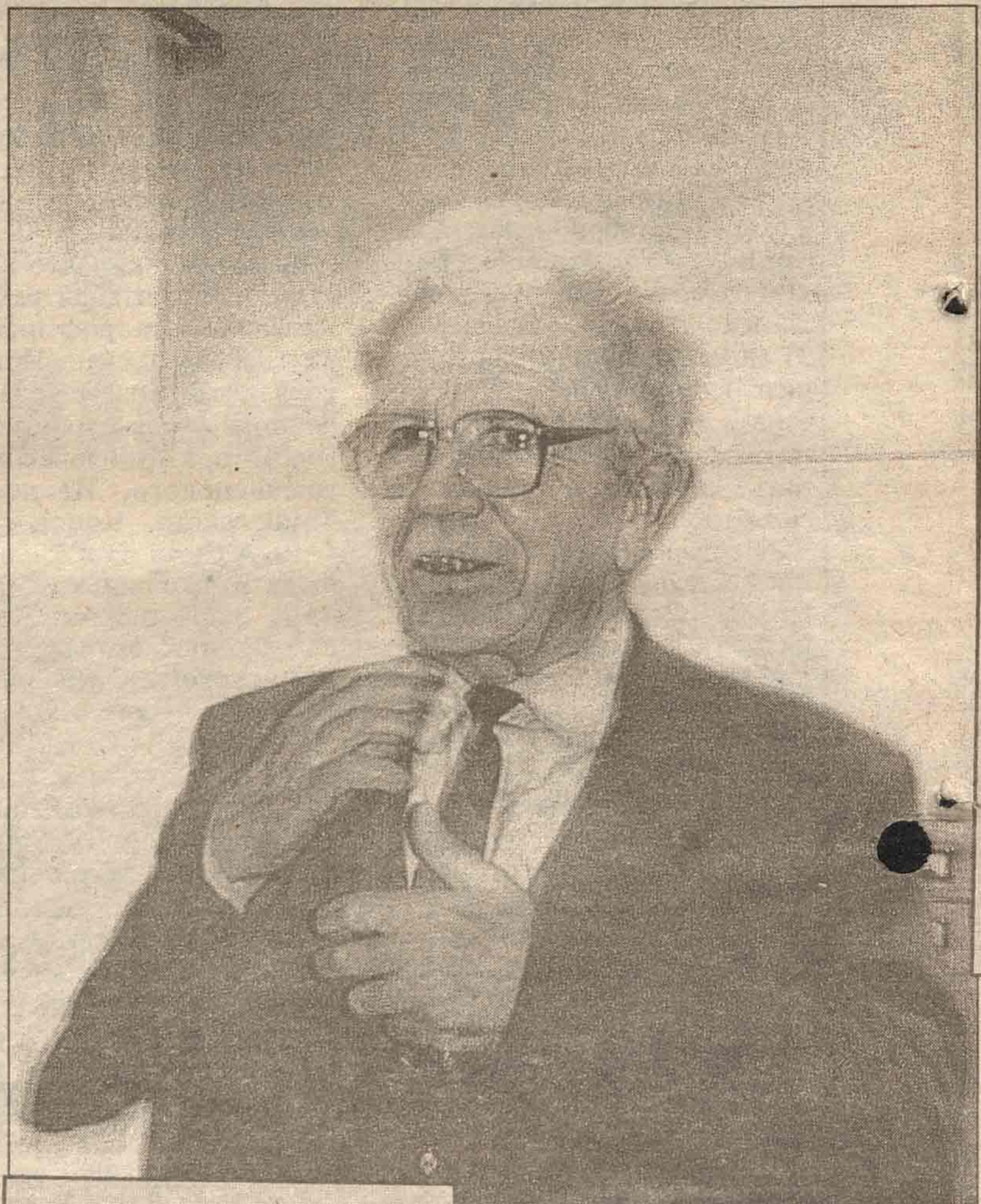
Однако помимо проникновения его
творчества за рубеж, Маслов и сам
неоднократно пересекал границу. Так
сказать, не в духовном, а в физическом
обличье.

Он побывал в 16 странах мира. Не
многие из нас могут заявить по этому
поводу: «Я тоже». Но и дома, в своей
стране, он побывал не меньше.

МОЯ РОДИНА

О. К. Маслову посвящается...

Шел по стопам отца, не ведав страха,
Окончил медицинский институт,
Где с другом я делил одну рубашку
И сорок семь уж лет живу я тут.
Всего себя я отдал медицине,
Лечил людей, науку познавал,
Своим трудом я многое осилил,
Мединститут родным мне домом стал.
Себя не мысло без второй профессии,
Пишу стихи и сердцем и душой.
Я с детства увлечен сестрой-поэзией
И написал немало я стихов.
Пора спокойно подвести итоги,
И дать оценку своему пути,
Осмыслить все житейские пороги,
Ведь жизнь прожить - не поле перейти!

**О. Маслов о себе: «...Сча-
сливый я человек или нет?
Не знаю. Но то, что я не
несчастный - это точно.
Потому что у меня отсут-
ствует напрочь самое глав-
ное качество несчастного
человека - это зависть. Я не
завидую другим. Они сами
по себе, а я сам по себе. Я
такой, как есть, и все!»**

Олег Константинович с удоволь-
ствием листает внушительного разме-
ра фотоальбомы и перечисляет места в
Советском Союзе, что ему удалось
увидеть. Общаясь с ним, можно изу-
чать географию некогда большой стра-
ны. Грузия, Туркменистан, Узбеки-
стан, Белоруссия, Украина, Прибалти-
ка... В Москве и Ленинграде прожил в
общей сложности более двух лет.

Оказывается, его многочисленным
передвижениям помогла новая профес-
сия. Собирались анестезиологи на кон-
ференции и симпозиумы очень часто.
Государство не жалело денег на разви-
тие этой отрасли медицины.

Некоторые знакомые Маслова се-
товали на то, что он, по их мнению,
«раскидывается», не уделяет внима-
ние только одной страсти. А он не
может иначе. Две совершенно разных
профессии дополняют и обогащают
его.

- В конце концов, - улыбается Олег

Константинович, - примеры Чехова и
Булгакова убеждали меня в том, что
одно другому не мешает.

Литература и медицина - что может
быть благороднее этих двух занятий?
И в том, и в другом случае - налицо
исцеление человека: реанимация души
и тела.

Он говорит:

- Я с детства мечтал стать поэтом.

Ионим стал. Большим поэтом. Иначе
не было бы данной статьи. Как неча-
тельного врача в сегодняшний юбилей
его приветствовали бы многие люди,
которым он помог в трудный час, но
аудитория поклонников его поэтиче-
ского дара по численности ни в какой
мере не может сравниться с предыду-
щей.

Говорить о поэзии Маслова нет
смысла. Он сам все сказал за себя сво-
ими стихами. В канун юбилея город-
ская администрация преподнесла ему
подарок - великолепную (выпущен-
ную издательством «Зея») книгу «Из-
бранное». (Часть стихов, публикуемая
сегодня на страницах «Глагола», опре-
делена самим автором).

Жизнь Маслова, настолько яркая,
интересная, что о ней можно рассказы-
вать очень долго. Ограничимся одним
любопытным моментом в его биогра-
фии, для чего предоставим слово авто-
ру.

- Будучи председателем литфонда,
оказался я в 1987 году в Доме творче-
ства в Пицунде. Вдруг ко мне в гости-
цу приходит незнакомый человек.
Представляется: «Я - Олег Маслов».

Оказывается, на полочке под бук-
вой «М» он увидел письмо на мое имя...
Сам из Самары, доктор технических
наук. Тоже пишет стихи, и у меня есть
его книги. Вот фотография - стоим мы
рядом двумя семьями.

Но в 1988 году эта история полу-
чила продолжение. В Дуболтах (это
часть Юрмалы) мне звонит секретарь
Воронежской писательской органи-
зации и предлагает принять участие в
творческом вечере. А там - Чаков-
ский, Долматовский и другие мэтры
столичной литературы. Я поначалу
отнекивался, но был пристыжен: «Мы,
провинциалы, тоже должны себя по-
казать».

Я дал согласие, а при встрече
секретарем мы поняли, что он разгова-

Писатель

Из досье «Амурской правды»

Олег Константинович Маслов родился в Благовещенске 31 августа 1932 года. В 1955 г. окончил Хабаровский государственный медицинский институт, получил диплом врача. С 1955 по 1965 гг. работал в областной больнице хирургом, анестезиологом. С 1965 года и по настоящее время ассистент, доцент Амурской государственной медицинской академии. В 1969 году защитил кандидатскую диссертацию. В 1973 г. вышел первый поэтический сборник «Моя профессия». На сегодняшний день им выпущено десять книг. В 1981 г. принят в Союз писателей СССР.

ривал не со мной, а с Олегом Масловым из Самары. Ходу назад у него уже не было, как не было его и у меня.

Однофамильцы и тезки тогда, в том Доме творчества не было. Предоставил мне слово поэт Евгений Долматовский. Я вначале немного о Дальнем Востоке рассказал, чтобы публика хоть слегка представляла, где он находится. Назвал своих любимых авторов, прочитал пару стихотворений и под вежливые аплодисменты удалился.

А через два дня ко мне подходит седой человек и представляется: Николай Задорнов. Оказывается, ему рассказали, что я назвал его одним из любимых авторов. Знакомство с ним было очень интересным...

Олег Константинович замолкает, а я задаю ему вопрос: «Если была бы возможность повторить жизнь заново, отчего бы вы отказались, что хотелось бы изменить, какую ошибку исправить?»

Ни секунды не задумываясь, он отвечает:

«Ничего бы не хотел изменять. Ни от одного поступка не отказываюсь. Прощел бы еще раз по этому пути...»

Я от себя, как один из многочисленных поклонников поэтического творчества Маслова лично замечу: на мой взгляд, Олег Константинович один из последних патриархов той почти исчезнувшей тонкой прослойки интеллигенции, что не позволяла себе оскорблять коллег, не расталкивала локтями, не ставила подножки. Просто жила и творила, сообразуясь с понятиями чести и достоинства.

Еще одно мое наблюдение: ни разу в жизни ни до того, ни после я не встречал человека с такой исключительной памятью, как у сегодняшнего юбиляра. Совершенно превосходно от читает наизусть тысячи и тысячи поэтических строк авторов всех времен и поколений.

У него есть исключительная возможность послушать себя в исполнении других. Некогда известный амурский бард Сергей Зражевский, ныне живущий в США, переложил на музыку стихи Маслова. В канун юбилея он позвонил своему «мэтру» и сказал, что Олега Константиновича слушают и там, за «бугром».

Все поклонники вашего дара поздравляют вас, врачеватель души и тела, ждут новых стихов и завершённых пьес - нового для вас жанра. Успехов и крепкого здоровья!

Александр БОБОШКО.

Андрей Григорьевич Терентьев, которому вчера исполнилось восемьдесят лет, - неординарный, безукоризненно честный человек. Один из моих друзей, довольно известный на западе страны писатель Николай Шепилов, будучи в Зее в гостях, после продолжительной беседы с Андреем Григорьевичем, сказал: «Я-то думал, таких людей уже нет. Оказывается, ошибался. Тебе, Паша, повезло. Общаться с таким человеком! Это же живая летопись. Причем с собственной, весьма оригинальной оценкой фактов и событий. Ты это цени и запоминай...»

Прозаик-фронтоник

Слова эти я вспомнил, когда читал предисловие к книге А. Терентьева «А сыну жить», изданной в Благовещенске. Написал ту преамбулу в прошлом друг Терентьева, знаменитый русский писатель Виктор Астафьев. Вот заключительные строки этого текста: «... Живет на Дальнем Востоке в таежной глухомани, возле им самим построенной гидроэлектростанции мой побратим по войне и литературе, очень порядочный человек, честно провоевавший и честно проработавший на советских стройках и не сложенный ни давним недугом, ни порядками нашего могучего прогресса в отечественной пестрой литературе. Живет и пишет, преодолевая фронтное увечье, хвори, кои густо скапливаются к старости лет. Надо собрать в одну книгу все, что сделано им добротню, достойно его характера и таланта, да и издать хорошим тиражом, в хорошем оформлении. Он заслужил это».

Написано это десять лет назад. Тогда Астафьев и Терентьев были, судя по их переписке, близкими, искренними друзьями. Потом эта дружба дала трещину. В отличие от именитого сибиряка Терентьев не изменил ни своих взглядов, ни своей бескомпромиссной жи-

зненной позиции в угоду, как он жестко определил, «преступной демократии» последних лет.

...Андрей Григорьевич родился в 1922 году в селе Березняки Пермской области. В Перми через тридцать с небольшим лет будет издана, затем и переиздана его первая книга «Повесть о солдатской дружбе». В Красную Армию его призвали за год до начала Великой Отечественной войны семнадцатилетним отроду. На фотографии той поры он удивительно похож на знаменитого артиста кино Леонида Быкова, когда тот играл в фильме «В бой идут одни «старики». Те же кудри, озорной открытый взгляд и внешняя хрупкость. Но боевые награды (а это медали «За отвагу», «За боевые заслуги», ордена Красной Звезды, Отечественной войны первой и второй степеней, редчайший орден среди фронтовых награждений - Александра Невского) говорят о том, что это только кажущаяся хрупкость. Он боец! Дважды ранен, причем один раз - тяжело, трижды контужен. Последняя контузия лишила его слуха. Сегодня ему мало помогают и слуховые аппараты. Но он мечтает приобрести самый современный, импорт-

ный. Да вот незадача, где его достать-раздобыть?..

Потому мы с ним общаемся записками, точнее, я пишу ему вопросы, а он, как все глухие, громко, почти криком, отвечает.

Фронт он прошел, как говорится, от «а» до «я», протопав путь от Ладоги до самого Берлина, который и брал штурмом вместе с боевыми товарищами. Закончил же войну на Дальнем Востоке. Было тогда ветерану двух войн, старшему лейтенанту Терентьеву всего-то двадцать три года. Во время войны после ранения закончил ускоренное военное училище. Вернулся к своим «катушам» младшим лейтенантом. А войну закончил, как уже говорилось, лейтенантом старшим.

Писателем, по словам Андрея Григорьевича, он стал случайно. Во многом благодаря знакомству с Виктором Астафьевым. Они встретились в год смерти Сталина в Перми, где должна была издаваться первая книга будущего классика. Жили в одной комнате. Терентьев по сей день поражается памяти Астафьева. Вот почти дословно услышанное мной:

- Ночами Виктор рассказывал мне о книге, которую задумал. Интересно рассказывал, объемно и правдиво. Книге о фронте. Тут я бы любую фальшь разглядел. Но у Виктора все было правдой, трагической, но правдой. Потом он подарил мне книгу. В ней все события были описаны теми же словами и в той же последовательности, как он мне рассказывал перскими ночами. Конечно, жаль, что он поддался новомодным течениям. Догениальности талантливый человек. И друг надежный. Вспоминать тяжело...

Сам Андрей Григорьевич в определении победивших демократов категоричен:

- Живу как на фронте. Все время жду атаки. Должно же когда-нибудь у народа лопнуть терпение. Ведь как врут ловко да складно. Послушаешь -

...Все то время, сколько я знаком с Терентьевым, мы собираемся на рыбалку, этак дней на десять-пятнадцать. Здесь я обязан подчеркнуть, что Андрей Григорьевич окружающую город Зею тайгу исходил пешком вдоль и поперек. Это сейчас возраст и старые фронтовые раны берут свое, а еще лет пять назад он не приходил в гости без пойманых им самим ленков или хариусов. Рыбак отменный! И снасти у него самые лучшие. Рыбу может поймать в любое время года. А вот охоту не любит. В войну, говорит, вдоволь настрелялся...

У камня посидеть да послушать его сочные, сдобренные терентьевским юмором рассказы о фронте, о фронтовых товарищах - всегда удовольствие. Но самые внимательные слушательницы у Андрея Григорьевича - моя жена и дочка. Причем жена, выросшая в городе и с молодости враждавшая в среде людей искусства, заявила мне как-то, что до Андрея Григорьевича и Лидии Ивановны она неправильно понимала значение слова «интеллигент». Только после знакомства с семьей Терентьевых, этими интеллектуальными рабочими людьми, впервые поняла его истинное значение.

Павел КИЖАЕВ.
(Соб. корр. «Амурской правды».)
Фото Владимира СТЕГАНЦЕВА

Зея.

Из фронтового рассказа Андрея Терентьева

ОДА МАШЕНЬКЕ-САНИНСТРУКТОРУ

...Уже в конце лета пересекли границу. Помнишь первый фольварк? Стояло бабье лето. Было чудесное утро, в какие на фронтовиков находил томление души. Тогда хочется уединиться где-нибудь на пригорке среди поля, опрокинуться на спину, сквозь застилающую глаза влажную пелену смотреть на плывущие в вышине облака, вслушиваться и не слышать, что творится вокруг. Вот в такое утро ты чем-то провинилась перед командиром нашего стрелкового полка. Подполковник кричал на тебя, что уж если заводишь амур, то заводи с ребятами из своего полка, а не с артиллеристами-лодырями. С танкистами тоже не дружи. Они насковзь пропитались соляром, и еще полгода после войны их придется отмывать в щелоке. Летчики - хвастуны, от них тоже держись подальше.

Ты стояла, касаясь плечом стены сарая, и совсем не раскаянная улыбка бродила по твоему счастливому лицу. Исчерпав свое командирское красноречие, подполковник сделал страшные глаза, погрозил задрать на тебе юбочку и выпороть ремнем. Ты

прыснула в кулачок. Мы тоже засмеялись. Попало и нам. Полный хозяин своего полка, командир имел возможность опекать тебя, мог отвадить любого посягателя на твою девичью честь. Но, увлекись ты кем-то «со стороны», и он бы лишился такой возможности. В душе он, конечно, сам подсмеивался над своей хулой в адрес представитель других родов войск, но что более умного мог он тогда придумать, чтобы не выпустить тебя из-под своей опеки? Не мог же он приставить к твоему сердечку часового с винтовкой!

Раз вспомнили тот случай, давай-ка, Машенька, опять немного посмеемся. Что и говорить: молодость есть молодость. Истина общеизвестная, и все мы через нее прошли. Так удивительно ли, что именно на фронте, рядом с кровью и смертью вспыхивала жаркая, часто совершенно безоглядная любовь - как утверждение жизни вечной? В конце-то концов, за то и воевали: за утверждение жизни вечной.

Мы бескорыстно завидовали таким счастливым парням. Но мгновенно загорались презрением и даже ненавистью к тем про-

хвостам, которые начинали хвастаться своими победами над фронтовиками. Уж если она тебе доверилась, то наш праведный гнев был направлен только в вашу защиту. Нет, в меньшей степени мы защищали самих себя, защищали веру в тех далеких, которые ждали нас и должны были ждать нас.

Как же мы могли жить без такой веры? И при всем этом ты сама, Машенька, хорошо знаешь, что на фронте мы никогда не ставили знак равенства между «им» и «ею». Мы всегда помнили, что фронтовичке легче ошибиться в своем чувстве, что ей много труднее дается окопная любовь, чем нашему брату. Фронтовичка всегда в окружении мужчин и парней, каждый ее шаг сопровождается множеством глаз, среди которых встречаются и алчущие, только и ждущие, когда она поскользнется. Конечно, случилось и такое, когда фронтовичка, даже не испытывая сердечного влечения, сама шла на сближение, лишь бы на какой-то короткий миг в мужских объятьях забыться от ада, творящегося вокруг. Кто ей судья? Во всяком разе - не я.